

18+

Живая тьма

Иван VєganaMaia Вологдин

Иван VeganaMaia Вологдин

Живая тьма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43294266

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-09678-3

Аннотация

Вадим Таршин – обычный человек, чья молодость пришлась на злополучные для России, девяностые годы. Сотрудничество с преступниками привело к большой трагедии – смерти любимой жены. Попытка отомстить – к собственной смерти. Для многих конец жизни является концом истории. Но в этой книге смерть – это только начало. Начало великого мщения за поруганную честь, за жизнь и здоровье любимых людей. Для оформления обложки выбрано изображение выложенное в свободный доступ на сайте pinterest.

Содержание

Часть 1. Человеческая жизнь	4
Глава 2. Дикие девяностые годы	12
Глава 3. Немного назад во времени	20
Глава 4. Ночёвка на вулкане	37
Глава 5. Мистический сон	49
Глава 6. Новое время	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Часть 1. Человеческая жизнь

Глава 1. Начало истории

Сибирь...

Великое, поражающее воображение, пространство необъятных лесов, крутобоких холмов, могучих рек и ледяных озёр, которое раскинулось от каменистых хребтов Уральских гор и до холодных вод Тихого океана.

Тысячекилометровые расстояния изучены по настоящий день не полностью. Небольшой географический ореол научной исследованности, робко расходящийся в стороны от Транссибирской магистрали и от обочин нескольких федеральных трасс, непременно заканчивается на окраинах отдалённых, полупустых деревень. Данный ореол еще худо-бедно картографирован, но стоит пытливому исследователю еще хоть немного внедриться вглубь территории, и он непременно погрузится в мир неизвестности и скрытых тайнств.

Конечно, информацию об узких, просёлочных, незаасфальтированных дорогах, извилистых лесовозных трактах и звериных тропах можно выпросить у местных старожилов или, на свой страх и риск ознакомиться с размытыми спутниковыми снимками, однако стоит реально отправиться в путь, и путешественник столкнётся с сотнями неизведанных мелочей, составляющих суть Сибири.

История региона также неоднозначна. Большинство моих соотечественников начинает изучать минувшие века Сибирского края с момента правления великого и ужасного Ивана Грозного, который (если верить одной из легенд), лично отправил в далёкий поход славную ватагу удалого Ермака. Я же считаю, что эту точку зрения в корне неправильной, так как задолго до прихода казаков здесь существовала богатая культура коренных народов севера – тофаларов, чукчей, эвенков, хантов, якутов, бурятов и многих других.

Стоит ещё чуть глубже погрузиться в краеведение и начинает казаться, что немногочисленные, хорошо обученные рати местных князцов, ханов или вождей, облачённые в добротные косяные доспехи и вооружённые по стандартам первобытного строя, бродили здесь еще со времён легендарной эпохи единого материка – Пангеи. Возможно, бродят где-то и по нынешний день на просторах миллионов квадратных километров неизученной суши, сторонясь непонятного для них, современного человечества.

Переплетение объектов из разных веков в данном регионе уникально. Забытые, древние стойбища мирно соседствуют с ржавой проволокой сгинувших лагерей ГУЛАГА. Узкоколейки, ведущие в чащу, утыкаются в отвалы руды, которые разрабатывались еще в имперские времена царской России. Заросшие аэродромы Ленд-лиза грустно смотрят узкими бойницами дзотов вслед современным, атомным ледоколам, проплывающим по ледяному океану.

Чего только не притаскивают из своих вылазок опытные, пронырливые охотники, возвращаясь из непролазных дебрей тайги! Если знать, где искать, то можно обнаружить всё что угодно – от пучков драгоценных проводов, упавших на землю вместе с отработанными ступеньками ракет, до бивня мамонта, вымытого паводком на берегу какой-нибудь небольшой, безымянной речки. Но чтобы стать обладателем найденного клада, нужно приложить титанические усилия – все припасы, любую добычу охотнику приходится нести на себе, порой, по несколько десятков, а то и сотен километров. От этого ценности очень разнятся. Что для коренного жителя весомей золота, то для современного человека может показаться пустяком и наоборот.

Уникальное мышление, самобытную философию скрывает культура древних народов. Носителем сокровенных знаний не может являться отдельно взятый человек – нет способов хранить информацию подобным образом, учитывая практически полное отсутствие письменности до прихода Страны Советов в эти края. Легенды передаются из уст в уста, от поколения к поколению и являются ценнейшим, племязадающим духовным основанием, позволяющим держаться на плаву в самые суровые годы.

Как уже сказано выше, письменных носителей информации практически нет (если не считать примитивные, наскальные рисунки в пещерах и на скалах). Однако есть ревностные хранители легенд. Хранители древних сил. И этими

людьми, в любом племени, были уникальные личности, посвятившие себя изучению духовных сфер – Шаманы Северных народов.

Следует упомянуть, что особая роль в этих первобытных обществах, была отдана именно им. Странные люди, облачённые в шкуры зверей, обвешанные диковинными украшениями и побрякушками, являлись важными членами любого племени. Присутствие шамана вносило элемент одухотворённости в суровый жизненный уклад северных людей, однако не избавляло «духовное лицо» от земных неурядиц, дел и проблем.

Среди коренных народов севера практически никогда не было трепетного отношения к труду шамана. Не было его привилегированного выделения из общего числа рядовых жителей племени в быту и охоте. Первобытные «духовные» люди, наравне с соплеменниками разделяли все тяготы общего пути, лишь на короткий срок исполнения обрядов (по местному – камлания), облачаясь в ритуальные одежды и приобретая особый статус. Являясь посредниками между миром живых и миром мёртвых, они довольно успешно лечили больных, искали заблудших, врачевали души отчаявшихся. Черпая свои умения, способности и познания в природной силе, они отождествляли силы её с проявлением на земле воли сгинувших Богов, чьи имена ныне сокрыты мраком временного забвения.

В окружающей их природе шаманы явственно видели то,

от чего современный человек старательно отводит глаза, считая предрассудками, пережитками прошлого. Природа правильно представлялась «духовным» людям живым, многоликим существом, проявляющим себя как в малом – в каждой травинке или птице, так и в большом – тайге, солнце и пляшущих звёздах. По мнению шаманов, все эти явления неизменно влияли на жизнь человека и где-то глубоко в душе, мне хотелось бы полностью разделить эту точку зрения, однако научное восприятие мира немного мешает автору данной книги полностью погрузиться в верования коренных народов.

Правоту или ошибочность шаманских суждений, на практике, проверить очень легко. Если, хоть на время, усмирить истеричную суету перегруженного мозга и, замерев в бездвижности прислушаться к тишине глубокого леса, в том месте, докуда не доносятся звуки гудящих моторов вездесущих автомобилей, то непременно начнёшь подмечать наивное желание природы пообщаться с тобой. Любое дуновение ветерка или шелест листвы, достигший границ обострённого восприятия – и отважившийся человек понимает, что лесные чащи начинают с тобой степенный разговор, который современник, всецело погруженный в социум, не может понять из-за своего цивилизованного скудоумия.

Насколько глубоко может зайти эта безмолвная беседа? Никто не знает. Временное восприятие тайги и простого смертного настолько разное, насколько это можно предста-

вить. Что для леса миг, то для человека целая жизнь. Возможно, в этом и заключается сила шаманов – умение взаимодействовать с временными потоками, чтобы чётко слышать слова целой Вселенной.

Шаманы могут, умеют и, что самое важное, практикуют подобные разговоры по настоящий день, поэтому являются воистину необычными людьми, посвященными в тайные знания. Нечета великому количеству шарлатанов, заповивших планету Земля!

Ведая силы природы и следуя её подсказкам, шаманы, испокон веков могли точно подметить и места сосредоточения особой силы природы. Энергетика в таких точках зашкаливает, невидимо вырываясь фонтаном сквозь земную твердь, позволяя совершать обряды такой силы, что легенды о них по настоящий день передаются народной притчей, из уст в уста, в племенах северян и легендах пришедших сюда русских.

Если верить ряду эзотерических учений, то к великому счастью, фундаментом мироздания является хаос, а не мёртвый, неподвижный, статичный покой. Практически все древние трактаты, разнообразных религий и учений, в унисон утверждают простую истину – в хаосе возникла жизнь. В любом движении сокрыта дорога к переменам. Там, где покой – только запустение и смерть. Минус хаоса, однако, состоит в том, что он может ненароком стереть, перемешать и до неузнаваемости изменить ранее устоявшиеся системы,

лояльно настроенные по отношению к мыслящему индивиду. Весь Сибирский социум есть яркое отражение процесса вынужденного преобразования.

Великий хаос верований, взглядов и суждений в умах людей, вызванный вышеупомянутым переплетением эпох, проник на территорию Сибири намного позже пришествия казаков. Если быть точным, то в начале XX века.

Советский Союз ворвался на территорию ледяных просторов множеством небольших, типовых городов, где дома редко вырастали выше пятых этажей, из-за особенностей болотистой или промёрзлой почвы. Пора великих, послевоенных строек плодила полустанки, деревни, сёла, разбрасывая щедрой рукой свободного, рабочего человека (либо рукой бесправного зека, если отринуть браваду и ненужную пропаганду) небольшие, жилые места для первопроходцев. Данные наполовину вахтовые поселения, если везло, со временем разрастались до размеров небольшого муниципалитета тысяч на двадцать – тридцать жителей.

В одном из таких городков – Медведьевске, что располагался на северной территории Иркутской области, практически на границе с республикой Якутия, и произошла эта странная история, на долгие годы ставшая легендарной.

К моменту основного развития легенды, Советский Союз только что прекратил своё существование, распавшись на ряд якобы дружеских стран, что сильно потрясло всё постсоветское сообщество чередой неожиданных и страшных пе-

ремен.

Глава 2. Дикие девяностые годы

А меж тем, времена настали действительно суровые...

«Дикие», девяностые годы, чёрной волной поглощали устоявшийся уклад трудящегося человека. Рыночные отношения давили и душили простого гражданина, выводя на пьедестал успеха чёрные личности и натуры – страшных, решительных, предприимчивых людей. Полная переориентация ценностей испортила, извратила поколение «советской оттепели». Нововведения мигом превратили большинство вчерашних юношей и девушек, следовавших, исключительно по зову сердца, на север за «таёжной романтикой» и «рассветами над Ангарой», в забитых, серых, потерявшихся и обманутых неудачников с весьма неопределённым будущим.

Слово «Сибиряк», некогда означавшее хороший заработок и уважаемый в обществе статус, после развала СССР не просто потеряло былое значение, а стало синонимом человеку, живущему в захолустье. Лишь некоторые смогли приспособиться к совершенно незнакомым ранее условиям существования. Они и стали той печально знаменитой основой тому социальному явлению, которое впоследствии назовут «новыми русскими».

Стоит ли винить новых русских за избранный ими образ жизни? Думаю, что нет.

Жизнь наполнилась миллионами соблазнов, которые были раньше доступны только избранной партийной верхушке. Теперь казалось, что все блага мира могли в одночасье оказаться в руках простолюдина, стоило только заработать на них... или отобрать у тех, кто уже заработал чуть ранее.

Великий Советский Союз, казавшийся нерушимой, монолитной машиной, так и не выстроив социализм, только что, на их глазах распался на 15 независимых государств и после первых выстрелов по Белому Дому, огромная территория страны окончательно погрузилась в пучину беспорядков, неопределённости и хаоса. Нужно было выживать. И, как известно по закону естественного отбора – выживает только сильнейший. Это и предопределило дальнейшие, весьма трагичные события по всей стране.

Быстрее всего новая данность почувствовалась в столице, а также в областных или районных центрах, однако на окраинах, в маленьких городках, сёлах и деревнях последствия этого грандиозных перемен практически не ощущались на протяжении нескольких месяцев. Это объяснялось тем, что быт северян и без того был полон трудностей, чтобы хоть как-то болезненно или активно реагировать на ошеломляющие новости, доносящиеся с Европейской части Родины.

Полностью, новая эпоха почувствовалась, когда один за другим стали закрываться градообразующие предприятия или колхозы погружая небольшие населённые пункты в тягостное болото полной неопределённости. Медведьевск не

стал исключением в череде неизбежных процессов деградации.

По началу, не придавал особого значения распаду Советского Союза и основной герой этой истории – Таршин Вадим Сергеевич, который в октябре 1993 года скромно отпраздновал своё двадцатипятилетие. Молодой мужчина, окончив местное железнодорожное ДЦО, работал обычным слесарем подвижного состава, даруя вторую жизнь старым тепловозам, в одном из локомотивных депо большого железнодорожного узла, которым являлся городок Медведьевск.

Среднего роста, крепкого телосложения, русоволосый, плотно сбитый мужчина не был эталоном мужской красоты, но улыбчивость, остроумие, яркий блеск голубых глаз, а также умение играть на гитаре и увлечение лёгкой атлетикой, сделали его объектом любовных воздыханий многих окрестных красавиц. Следует признать, что, несмотря на притягательную внешность Вадима и доступность лёгких утех, все девичьи желания и устремления были тщетны – со школьной скамьи в сердце подростка вошла только одна любовь. И этой любовью всей жизни была его будущая молодая жена.

Познакомились случайно, как говорят, по воле судьбы. В десятом классе, при перераспределении ранее устоявшихся ученических коллективов, возникли совершенно новые классы, объединённые по принципу предрасположенности к тем или иным наукам. И Дубровина Алена, и Таршин Вадим попали в класс с гуманитарным уклоном. Общая парта, по-

началу сделала их хорошими друзьями. Несколько позже, с развитием общения, общий труд и общие интересы зародили в молодых людях чувство более глубокой, любовной привязанности.

Забегая немного вперёд, следует рассказать, что Вадим был счастлив в браке. Поэтому отказывался замечать других девиц. Конечно, иногда где то глубоко внутри просыпался внутренний мужской дьяволёнок, начиная трогать похотливые струны души, дабы разрушить решительность Таршина быть верным жене до конца своих дней, однако советское воспитание, умение держать себя в руках и незаурядного размера воля, позволяли Вадиму быстро отгонять внутреннего смутьяна прочь. Нужно сказать, что и жена отвечала ему полной взаимностью.

На момент начала повествования, его спутница жизни – Таршина (в девичестве Дубровина) Алёна Александровна, отставала от мужа в возрасте всего на год, что не помешало ей в столь трудное время, чуть ранее начала этой истории, подарить молодому мужчине чудесную дочку Василису. Молодая, ответственная и деятельная мама уже восьмой месяц кряду находилась в декретном отпуске и дико изнывала от безделья. С ребёнком ей очень хорошо помогала родная мать – Ольга Александровна, довольно дородная, крепкая женщина средних лет, а также мама Вадима – Надежда Петровна, являющаяся классической, худой и строгой учи-

тельницей предпенсионного возраста.

Держаться на плаву молодой семье позволяла двухкомнатная квартира, доставшаяся в подарок от отца Вадима – почётного строителя Михаила Владимировича Таршина, на которого он был похож как две капли воды, а также небольшая дача, в шесть соток земли. В весенне-летний период на загородном участке и Алена, и Вадим неизменно высаживали картошку, которая всё чаще становилась неизменной основой рациона молодой пары. При всех своих выдающихся внешних данных, Алёна никогда не отказывалась от грязной работы будучи, по сути, простой девчонкой из глухой деревеньки Медведьевского района, откуда в своё время Ольга Александровна, удачно женившись на молодом инженерере Александре, смогла вырваться в районный центр. При этом следует отметить, что на момент женитьбы Ольги и Саша, Алёне было три годика. Как и где Ольга Александровна нагуляла столь прелестную дочурку – это тайна покрытая мраком.

Впрочем, отчим, который из-за природных особенностей не мог иметь детей, полюбил её как родную, подарив своё отчество и фамилию.

Вот кого природа наградила внешностью – так это Алёну! Стройная, как березка, русоволосая обладательница длинной косы и огромных, голубых глаз, была, будто бы списана с одноименной картины Васнецова, будоража своим исконно русским образом сознание подростков, сверстников и муж-

чин, в том числе namного её старших.

Подростковая любовь к ней была отдельной темой для пересудов в небольшом городе Медведьевске, так как до родов Алёна Александровна довольно успешно поднималась по карьерной лестнице в местной образовательной школе, со звучным номером «101». Поводов Алёна не давала, однако буквально все ученики старших классов, в которых она преподавала русский язык и литературу, были поголовно влюблены в прекрасную учительницу. От того, с уходом Алёны Александровны в декрет, и оценки по данным предметам, среди мужской части, резко поползли вниз.

Беременность, прошедшая легко в здоровом, закалённом теле молодой женщины, никак не отразилась на внешних данных красавицы, а поэтому сильный пол по-прежнему мечтательно смотрел ей вслед, когда она в лёгком, ситцевом платье, гуляла с коляской по тенистым улицам маленького города.

Были и попытки ухаживаний. Впрочем, воздыхания мужчин были тщетны на протяжении всего времени отношений пары. Как уже говорилось выше – Алёна, в отличие от большинства девушек и женщин, населявших Медведьевск, была безукоризненно предана своему мужу. Даже два года, которые Вадим провёл в армии, не сломили её решимость дождаться возлюбленного – никакие подарки, никакие знаки внимания не могли смутить верное сердце девушки, а поэтому служил Таршин легко, отдавая долг своему Отечеству в

выстуженных степях Забайкальского края, на границе с Китаем. Вещественным напоминанием о времени вынужденной разлуки, теперь являлась лишь большая стопка писем, запертая в старинный комод и пара фотографий, сделанных на контрольно пропускном пункте военной части во время свидания (ну и шрам, пересекающий коротко стриженую голову Вадима, доставшийся в подарок от старослужащего в самом начале военной службы).

Как уже становится понятно из написанного выше, жила молодая семья небогато, но достаточно счастливо.

Столь подробная завязка истории, возможно, к данному моменту уже порядком утомила потенциального читателя. Пусть так! В своё оправдание скажу лишь то, что жизнь среднестатистической семьи, столь вьедливо раскрываемая мной перед вами, имеет свою цель. Я хочу, чтобы вы поверили в реальность существования этих людей и как следствие – в реальность событий необычайных, случившихся несколько позже.

Таршины крутились, как могли, при посильной помощи родителей, не жалуясь на быт и условия. В планах у Вадима было выучиться на помощника машиниста и купить ещё одну дачу по соседству, у Алёны – вернуться в родную школу.

Казалось бы – типовые условия, типовые мечты и типовая семья. Прожили бы как все и, не нарушая установленные свыше, социальные возрастные нормы, тихо сошли в могилу, так ничем особо и, не отметившись на планете Земля. Так

бы непременно и было, если бы внутренний мир Вадима не обладал рядом особенностей, выгодно сочетаясь с пытливым умом. С малолетства, под влиянием отца, молодого мужчину терзало сразу несколько страстей – любовь к истории и странная любовь к необычной науке – эзотерике.

Это неординарное сочетание и предопределило дальнейший ход событий.

Глава 3. Немного назад во времени

Для полноты повествования вернёмся же во времени немного назад.

В Медведьевске, с самого его основания в 1947 году, ходила странная легенда. Согласно ей, самая высокая точка района – небольшой, трёхглавый и давно погасший вулкан Моргудон, когда-то в стародавние времена являлся настоящей Меккой для северных народов, куда стекались все страждущие. Отчаявшиеся племенные люди, пребывали сюда в самые тяжёлые времена своей жизни, чтобы общеизвестное место силы исцелило их недуги... или окончательно избавило от страданий на планете Земля.

Потухший в незапамятные времена Моргудон был мрачен и суров. Возвышаясь над тайгой на километровую высоту, каменистая, своенравная, угрюмая гора, до самой центральной вершины, чернела небольшими пнями – последствиями сильных пожаров, возникших от притянутых молний. Жёсткая, короткая трава, скрывающая в своих зарослях лосиную вошь и мошку, прерывалась только редкими, высохшими, коричневыми протоками весенних ручьёв, не зараставших и в жаркое лето. Вершина – три равноудалённые друг от друга головы вулкана, соединённые между собой острой грядой, вообще не содержали какого – либо зеленого покрова.

Центральная глава, самая высокая, серела острыми осколками древней лавы.

Как рассказывали старожилы Медведьевска – раньше, на самом высоком пике, ещё во времена первопроходцев-казаков на горе имелся огромный, каменный алтарь правильной, прямоугольной формы, подле которого, в ветхой лачуге, жил молодой и сильный шаман, изгнанный племенем за неуживчивый нрав.

Поклоняясь богам и духам смерти, данный Шаман, приняв своё вынужденное одиночество и утихомирившись, никому более не делал зла. Годы уединения изменили его крутой нрав. Возможно, этому способствовали невероятно красивые рассветы, которые он, в глубоком молчании, встречал на горе. Невероятно трудно остаться равнодушным, чёрствым и злым, когда первые лучи дневного светила нежно окрашивают тёмное, звёздное небо в ало-оранжевые цвета, при этом тайга у подножия представляет собой единый океан тумана, простирающийся до горизонта.

Так ли это было или нет, сказать трудно. Но свой алтарь Шаман содержал в чистоте, регулярно смотря за тем, чтобы глиняные чаши были полны даров, а костёр, горевший у основания алтаря, в специальном углублении, практически никогда не гас, давая ориентир страждущим людям, куда идти, когда прижмёт жизнь.

С годами, добрые дела шамана множились, а слава о нём простёрлась вплоть до древних границ Китая. Со всех кон-

цов света, на угрюмую гору, беспрерывным потоком потянулись паломники и почитатели силы одинокого шамана.

Не все уходили с горы. Некоторых, тяжёлые болезни и ранения, вынуждали остаться у алтаря навсегда, но как гласила молва, ведающий человек мог сделать их уход благим и радостным, избавить от сомнений и указать на новый, загробный путь.

По всей видимости, за всё время деятельности шамана, умерших было довольно много. Как говорили старики, еще в царские времена, когда самые сильные ливни хлестали по поверхности горы, а ручьи бурлили грозными потоками, они непременно вымывали старые кости из склонов. Возможно один из желтоватых черепов, найденных людьми, принадлежал легендарному Шаману, так как чего-либо доподлинного о его дальнейшей судьбе не было известно. Может быть, он ещё долго жил и умер в старости. Может быть, погиб от руки подлеца.

Округа возле горы опустела, с приходом русских завоевателей, вынудивших коренные народы отойти далеко на север. Ещё долгое время заброшенный алтарь служил грозным напоминанием об исчезнувшей эпохе. Возможно, с этими народами, чувствуя перемены, исчез и хранитель древнего объекта культа.

Сам алтарь исчез намного позже, уже после окончания Великой Отечественной Войны. Его уничтожили по указанию местных священников, едва прекратились гонения на

Церковь. Во времена знаменитой «оттепели», когда однопартийная, централизованная система управления наконец-то хоть немного ослабила путы вездесущей цензуры и почти перестала преследовать инакомыслящих, местные почитатели православия, воспрянувшие от долгого сна, решили изменить идолопоклонническое предназначение вулкана. В тот же год, алтарь разбили кувалдами на мелкие части.

Деревянный, православный крест был установлен в наивысшей точке – на центральную, самую высокую «голову» Моргудона, точно на том месте, где ранее возвышался прямоугольный, каменный монолит, части которого пошли в землю у основания креста для повышения его устойчивости. С тех пор, раз или два раза в год, кто-либо из представителей духовенства терпеливо взбирался на вершину, чтобы обновить – подкрасить – поправить символ Христианского вероисповедания.

Примерно в это же время, когда под ударами железных кувалд разрушался древний символ, было предпринято решение, выделить плодородные земли подножия горы, богатые чернозёмом, под приусадебные участки труженикам местного вагонного и локомотивного депо. Тому способствовал и лёгкий доступ к ним – железнодорожное полотно, пролегло у основания Моргудона, связывая Медведьевск с соседним районным центром. Дачный посёлок должен был стать одной из станций пригородного пассажирского сообщения, поэтому желающих приобрести участок на склоне, было хоть от-

бавляй.

Так как коренные народы, обитавшие рядом с потухшим вулканом, давно ушли из этих мест или растворились в нескончаемых волнах белых людей, пришедших сюда изда-лека, то данным нововведениям на вулкане никто не оказал какого-либо сопротивления. Постепенно бывшее предназна-чение центральной вершины забылось и стало лишь одной из легенд Иркутской области.

Разумеется, Вадим, исходя из своей любви к краеведению, еще в школе, знал самые малые подробности этой леген-ды, подбивая устоявшуюся компанию друзей-подростков, совершить восхождение к вершине, дабы обнаружить хоть какие-то следы пребывания на ней древних людей. С недав-него времени, по его приглашению, в эту компанию вошла и его будущая жена.

Долго ли времени нужно на уговоры, чтобы друж-ная, своенравная и разнополая группа шестнадцатилетних сверстников решилась отправиться в поход? Совсем чуть-чуть! При первой же хорошей погоде, ясным и солнечным, летним, июльским утром компания в составе четырёх парней и трёх девушек уже высаживалась из электрички на неболь-шой, одноимённой станции, вокруг которой стремительно разрастался чудаковатого вида, дачный посёлок, карабкав-шийся ввысь по склону горы маленькими одноэтажными до-мами.

Запах нагретых трав дурманил голову приезжим, вместе с

жарой, проникая в каждую пору взопревшего тела. Даже наличие лёгкого ветерка, гуляющего по пустынному перрону станции и поднимающего маленькие облачка пыли, не охлаждал измученную плоть молодых путешественников. Суетливый ветерок только привносил хоть какую-то суету в сонное царство небольшой станции. Подчеркивая полуденное запустение небольшая, лохматая собачка, порывисто дышала спянявой пастью, лениво охлаждаясь в тени каменного вокзала, вокруг которой не менее лениво вились две большие, зелёные мухи.

Компания торопливо разгружала нехитрый скарб из пассажирского вагона, под недовольным взглядом помощника машиниста электровоза, облаченного в белую рубашку, который беспрестанно нервно поглядывал на наручные, дорогие часы бликующие при каждом движении.

Чувствовалась слаженность работы выгружающейся компании – большинство ребят давно знали друг друга и прошли вместе множество разнообразных передраг, неизменно выручая товарища в трудный час. Ещё одним новым, но нежелательным гостем в этой группе молодых людей был только Январёв Роман – новый парень Алёниной подруги, простушки – хохотушки Даши, которая была невероятно притягательна внешностью и ровно также непролазно глупа, являясь настоящей калькой устоявшемуся образу недалёкой блондинки.

В поход Романа никто не приглашал, но довольно наглый

молодой человек буквально увязался за ними, увлѣкшись идеей предстоящего восхождения.

Вадиму сразу не понравился Январѣв.

Жуликоватого вида, высокий, худой, хмурый и черноволосый парень, к тому же являющийся обладателем вечно незагорелой, белоснежной кожи, которую никак не могло окрасить июльское солнце, отдалѣнно напоминал Вадиму графа Монте-Кристо из одноименного романа Александра Дюма. Сходство с персонажем романа добавляли и довольно длинные волосы Романа, существенно выделяющие его из прочей ватаги парней, стриженных предельно коротко. Таршин любил фильм по мотивам книги Дюма, экранизированный отечественным (тогда ещё советским) кинематографом, вот только в отличие от своего экранного прототипа, Роман был обладателем аккуратного, тонкого, аристократического носа, что невольно вызывало у Вадима внутреннюю ассоциацию со змеем, влезшим в человеческую плоть. Блеск узких, стальных, серых глаз только усиливал сходство.

Январѣву, на момент небольшого путешествия, уже «стукнуло» солидных восемнадцать лет, по меркам шестнадцатилетней компании. Юноша, только что окончивший школу, нигде не учился, сидел на шее родителей и имел репутацию местного забияки, все выходки которого покрывал начальник местного отделения милиции, а по совместительству отец юноши – полковник внутренней службы Январѣв Сергей Викторович.

Об этой семье следует немного рассказать отдельно, для полноты картины.

По меркам небольшого города семья Январёвых жила роскошно уже в Советское время – добротный, кирпичный, двухэтажный дом на окраине, престижный «Мерседес» чёрного цвета, пригнанный по блату из Владивостока в пользование и негласное крышевание местных рынков и ларьков. Мама Романа – Ирина Викторовна, занимала престижную руководящую должность в местной администрации, в отделе ЖКХ. Получила она эту должность не без вмешательства авторитетного мужа, однако искренне считала, будучи предельно тщеславной женщиной, что всего достигла сама и исключительно честным трудом.

Всё это козырное сочетание делало семейство Январёвых объектом тихих, осуждающих пересудов у местного населения. Горожане прекрасно понимали, что богатство не было заработано легально, но открыто обвинять влиятельную семью никто, разумеется, не смел.

Роман Сергеевич, пользуясь своим привилегированным положением в обществе, с самого детства постоянно попадал в передраги. То за школой, в компании своих прихлебателей, до синевы изобьёт сверстника, то залезет в чужой огород и потехи ради, там наворотит дел, то забытый богом, чужой «запорожец» разобьёт о фонарный столб. Всё это неизменно сходило юноше с рук, благодаря покровительству всесильного папы.

От большинства людей, затронутых деяниями сына, Сергей Викторович откупался большим рублём. Более принципиальных искателей справедливости и правды – запугивал при помощи служебных связей.

Роман, как единственный ребёнок в семье, быстро вошёл во вкус, «прокусив» трепетное отношение к своей персоне со стороны любящих родителей, не замечавших (или не желавших замечать) вопиющее поведение сына и с каждым годом всё больше и больше усугублял противоправное поведение, двигаясь по скользкой дорожке жуликоватого маргинала.

Так продолжалось до тех пор, пока в старших классах, по большому благу, якобы за успеваемость, Роман не был отправлен по путёвке в Москву, где, в компании сверстников из разных городов, практически бесконтрольно со стороны взрослых провёл почти полтора летних месяца. Вернулся Январём другим. Собранным. Тихим. Спокойным.

Оценки поползли вверх. Столь разительная перемена поведения юноши не могла быть замечена учителями. В школьном сообществе повис безмолвный вопрос: что случилось с человеком, от кого ждали всего что угодно, но только не рвение в учёбе?

Каждое путешествие меняет человека хотя бы не много. Что говорить о провинциальном юноше, который впервые вырвался из глубинки в Москву и увидел настоящую жизнь? Роскошь чистых, широких проспектов и площадей, шарм дорогих ресторанов, манера общения людей и что самое глав-

ное – настоящие деньги и власть, которая даже не снилась столь влиятельной семье в Медведьевске.

Быстро приспособиваясь к новой среде существования, Роман за месяц успел спустить все деньги, данные в дорогу родителями, но спустил не просто так. Общение, новые знакомства, респектабельные заведения позволили Январёву оценить по-настоящему богемную жизнь. В этой среде люди практически не изъяснялись матом, курили дорогие, заграничные сигареты и при этом воротили столь масштабные дела, что уже при жизни становились яркими легендами позднего Союза. Впервые в обиход молодого человека, вошло странное, заграничное, уникальное слово – бизнес.

Полностью переоценив былые ценности и вернувшись в Медведьевск, Роман «осадил коней» и стал вести себя крайне тихо и даже скрытно, в обществе предпочитая общаться с людьми предельно вежливо, вкрадчиво, всем своим видом показывая лояльность к собеседнику. Требовалось время на выработку новой модели поведения.

Всё чаще и чаще Роман стал беседовать с отцом. Если раньше их общение было сведено к ругани и нотациям со стороны старшего Январёва, то теперь воссоединение поколений было налицо – младший и старший Январёвы стали смотреть в одну сторону – в сторону больших перемен, которые уже буквально витали в воздухе, в преддверии начала девяностых годов.

Чтобы уловить ветер перемен, нужно было начинать с се-

бу, и Роман с головой ушёл в самообразование, не забывая иногда, для поддержания формы, разбивать сердца особо доверчивым дамам, одной из которых стала простушка – Дарья.

И вот теперь, неожиданно для всех, этот вечно занятый, ставший целеустремлённым, юноша, решил разнообразить свой досуг восхождением и ночёвкой на горе с нетипичной для него компанией, о существовании которых и не знал до случайного знакомства с Дашей.

Как мы видим, законопослушному Вадиму было от чего недолюбливать данного противоречивого элемента общества, однако, и открыто, он отказать, ему не смел, так как не хотел наживать себе на пустом месте влиятельного врага в лице Январёва. Поэтому всю дорогу Таршину пришлось всеми силами изображать вымученное дружелюбие, чтобы ненароком не выдать истинное отношение к нежелательному компаньону.

Особенно Вадим начинал раздражаться, медленно закипая гневом, когда ловил долгие, томные взгляды Романа на своей, горячо любимой Алёне.

Вадиму было очевидно, что простодушная и доверчивая Дарья для Январёва была только прикрытием – ему было плевать на незамысловатую, наивную девчонку. Это понимали абсолютно все, кроме неё, но Даша, и слушать не хотела доводы друзей и родителей. Являясь очередной жертвой опытного обольстителя, пойманная в силки чувств, девушка

являлась очередным развлечением для опытного ловеласа, на парочку тёплых месяцев. Не обременённая лишним разумением, молодая шестнадцатилетняя особа, вопреки фактам, свято верила, что именно она является будущей женой и в тайне уже примеряла на себя фамилию избранника.

Стоит сказать – посмотреть Январёву действительно было на что. В отличие от парней, избравших практичный, походный вариант одежды, три девушки, следуя летней моде, оделись в легкие, ситцевые платья светлых оттенков. Деревянная лавка пригородного электропоезда зрительно укорачивала их длину, обнажая большую часть загорелых, стройных ног, а кое-где и ткань белого белья, мелькающая в момент неосторожного движения. Вадим прекрасно понимал, что Алёнины длинные, стройные ноги, в сравнении с ногами своих соседок, выглядели намного более притягательно для взгляда опытного обольстителя.

Прекрасно понимая природу осторожных подсматриваний, неоднократно брошенных украдкой Романом в сторону Алёниных ног, не по годам развитый Таршин предпочитал ни на секунду не отходить от своей любимой. Он настолько не доверял Январёву, что большую часть дороги, был вынужден стойко игнорировать чувствительные позывы справиться малую нужду в соседнем вагоне.

Напряжение немного схлынуло во время восхождения. У Вадима всё-таки нашёлся повод зауважать маргинала – юноша, взвалив на себя довольно тяжёлый рюкзак Даши, в дове-

сок к своему, молча и напористо, взбирался ввысь по крутому склону, не жалуясь на тяготы восхождения. Сказывались регулярные тренировки, которых Роман придерживался на протяжении полутра лет, после приезда из Москвы. Физические изменения были частью программы саморазвития. Новое время, на пороге которого стоял трещащий по швам, Советский Союз, как полагал Январёв, будет требовать от новых людей крепости тела. Как показала дальнейшая жизнь – в этом он не ошибся.

Гора была практически пустынна. Дачный посёлок, оставшийся далеко позади, ещё мог похвастать наличием хоть каких-то проблесков жизни. Но едва последние огороды исчезли за спиной, как склон стал совершенно пустым и безлюдным. Навстречу попался только один, странного вида взрослый человек, оставшийся в памяти Вадима, размытым пятном информации. Единственное, что ярко отпечаталось в памяти – это сжатый в руке незнакомца, довольно большой кусок, отшлифованного белого камня, который попался на глаза измученному юноше.

«Очередной любитель сувениров» – не без презрения подумал про себя Вадим, понимая, что столь хорошо обработанный камень является не чем иным, как куском древнего алтаря.

Ко времени встречи с Таршина уже сошёл седьмой пот, но Январёв неутомимо шагал и шагал ввысь под палящими лучами полуденного солнца, пока абсолютно спокойно не опу-

стил груз на ровную площадку, расположенную чуть ниже по склону от центральной вершины.

– Что, ребята, тяжело? – совершенно спокойно, без одышки, спросил он взбирающуюся компанию, которой до конечной точки оставался последний рывок.

– Ага, – еле выдавил из себя Вадим, стараясь не выказать сбившегося дыхания.

– Заниматься надо. Хотите, как вернёмся, я вас потренирую? От регулярных пробежек ещё никто не умер.

– Не люблю бегать... – давний друг Вадима, смешной, рыжеволосый и конопатый Миша, буквально упал перед ногами Романа, чуть ниже по склону, чувствуя как силы окончательно оставили его, – да и походы тоже не люблю...

– Совершенно зря, – Роман холодно улыбнулся, – а я с отцом первый зал в Медведьевске открываю через пару недель. Атлетический. Оборудование уже завезли. Хотел пригласить.

– Какой зал? – на всякий случай переспросил Вадим, с наслаждением скидывая свой рюкзак и подавая руку Алёне на самом крутом участке перед финишем.

– С тренажёрами разными и штангами, – терпеливо прояснил ситуацию Роман, – в Москве много таких. Это сейчас весьма модно... ну да ладно, не будем о делах. Насладимся природой.

Лагерь разбили стремительно, периодически, по очереди замирая на мгновение, чтобы посмотреть на превосходный

вид. Разбивали бы медленно, да вездесущая мошка и более крупная сохатинная вошь, не давали покоя, намереваясь вьестись в незащищенные участки тела. Только с густым дымом разгорающегося костра летающая живность отступила, убираясь восвояси, и пришла пора уже более подробно разглядеть необъятные просторы.

Полюбоваться было чем – до горизонта, пребывая в лёгкой дымке дневных испарений, могучие леса вздымались и опускались волнами холмов, вдалеке, на пределе зрения, сливаясь в единый фон тёмно-зелёной тайги, рассечённый узкой, витиеватой нитью небольшой реки. Состав леса был практически однороден. Лиственные деревья встречались много реже. Берёзовые рощицы, небольшими островками, разбавляли сосново-кедровый океан, нежно белея стройными столами.

Город Медведьевск, видимый на пределе зрения, на горизонте, с самой высокой точки района, казался лишь игрушечным набором маленьких серо-белых прямоугольников-многоэтажек и располагался по левую руку от точки обзора. По правую руку – грозно дымил в голубое небо белыми столпами дыма большой, новый алюминиевый завод, денно и ночно отливая легкий металл для нужд промышленности. В довершение к основным объектам местности, несколько небольших деревень и дачных посёлков разбавляли тайгу коричневыми кляксами вспаханных полей и возделанных огородов – вот и вся цивилизация, жмущаяся к основной транспортной ар-

терии района.

Блестящая, тонкая, двухпутная лента железной дороги, огибая берег небольшого озера, расположенного напротив дачного посёлка Моргудон, по ту сторону полотна, и проходя возле склона горы по дуге, погруженная в марево испаряющегося креозота, приветствовала компанию первооткрывателей продолжительным гудком спешащего в Медведьевск тепловоза. За трудолюбивой, коптящей машиной вереницей, будто гусята за гусыней, со стороны завода плелись однотипные, пустые вагоны с открытым верхом.

– Лепота-то, какая! – цитируя фразу из одного очень известного фильма, точно отобразил общее настроение Вадим.

– Действительно красота! – Роман стоял возле покошенного православного креста, с наслаждением подставляя лицо дуновениям ветерка, – сколько лет здесь живу, всё никак ноги не доходили сюда взобраться, занят был...

– Ребят обижал? – рассмеялась Даша, прильнув сзади к своему возлюбленному, – уж я-то помню, что про тебя мои друзья рассказывали.

– И что же? Тебе мешает моя бывшая репутация? – внешне Январёв оставался совершенно спокойным.

Его выдали глаза, на секунду блеснувшие холодной яростью подавляемого гнева. После неудобной фразы Дарьи вся компания, ранее неоднократно обсуждавшая семью Романа между собой, заметно напряглась, опасаясь, что простоватая девчонка выдаст все секреты.

Неловкое молчание ненадолго повисло в воздухе. Его решил прервать сам Роман:

– Впрочем, какая разница, – вновь улыбнулся он своими тонкими губами, – что было, то прошло. Главное что впереди. Заочно всем вам всё прощаю.

Январёв вскинул руки, копируя манеру местного попа освещать людей на городских праздниках.

Шутка была оценена по достоинству и, разбивая возникшее напряжение, на горе зазвучал живой, заразительный смех молодой компании.

Глава 4. Ночёвка на вулкане

Вскоре, после того как лагерь был разбит, девушки принялись ваять скорый обед на костре, умело и проворно, реализуя на практике навыки по готовке, полученные на уроках труда в школе. Блюдо получалось нехитрым и состояло, в основном, из нескольких банок тушенки и макарон.

В свою очередь ребята, решив не терять попусту время, разбившись на пары, принялись подробно исследовать легендарные вершины, стараясь выискать хоть что-нибудь исторически ценное, что могло хоть немного приоткрыть тайну легендарного места.

Вадим тоже мечтал найти хоть один кусок белого алтаря. Не простая жажда реликвий руководила им. С недавнего времени юноша плотно сотрудничал с местным Историко-краеведческим музеем и камень, который он силился обнаружить, Таршин хотел передать непосредственно в фонды этого культурного заведения.

Помимо Романа и Вадима, Алёны и Дарьи в поход, как мы знаем, выдвинулись еще два юноши и одна девушка – Миша и Витя, а также Полина – обладательница экзотической внешности, так как генетические корни стройной девушки уходили в древнее племя тофаларов. Все они – друзья Таршина и его одноклассники.

Разделившись, ребята избрали разные пути. Первая пара парней – Вадим и Миша, исследовав основание креста, спустились ниже по склону, а Роман и Витя (высокий, худой, жилистый и молчаливый юноша), к видимому неудовольствию последнего, углубились в небольшой лес, покрывавший другую, более пологую сторону потухшего вулкана.

Исследование хорошо известного объекта православного культа, ожидаемо ничего не дало. К церковному устройству, в Советское время относились менее щепетильно, не особо заворачиваясь над чувствами верующих и именно поэтому, потемневший от дождей и времени, довольно страшный крест, вкопанный в каменистую почву и зафиксированный осколками бывшего алтаря, уже содержал две надписи, старательно выведенные дрожащей рукой неведомого путешественника.

«Здесь был Вася» – гласила первая и «Слава КПСС» – громко провозглашала вторая. Несколько стеклянных, зелёных бутылок, без этикеток, аккуратно составленных подле религиозного символа, верно, выдавали внутренние переживания одинокого путника.

Осмотр креста дал Вадиму понимание, откуда неизвестный встречный путник добыл свой кусок алтаря. Незнакомец не стал заморачиваться долгим поиском бесхозных осколков, а вооружившись небольшой лопатой, попросту вгрызся в землю у основания объекта православного культа, выкорчевав большие куски наружу, отчего крест заметно нахло-

нился набок, потеряв былую устойчивость.

Правопослушный обладатель безукоризненной репутации в обществе Вадим Таршин, выбирал для достижения своих целей только правильные пути. Поэтому молодой человек проигнорировал доступные осколки белого камня и вместо лёгкого получения вожделенного артефакта, аккуратно уложил куски алтаря обратно, присыпав землёй:

– Здесь вам и место, – прошептал Вадим, любовно поглаживая ладонью притоптанную поверхность у основания креста.

Больше ничего необычного центральная вершина не содержала. Как не содержали и две соседних, более низких. Провозившись два часа на склонах горы, не найдя ничего интересного и окончательно изголодавшись, пара молодых исследователей вернулась к костру, где их уже ждала вся честная компания, которая слушала песню под гитару, которую довольно умело, выводил Роман:

– Перемен требуют наши сердца, – подражая настоящему исполнителю, надрывал связки Январёв, – перемен, требуют наши глаз. О, пришли! – прервал он новомодное произведение, надо сказать, достойно им исполняемое.

Ещё приближаясь, Вадим отметил, как очарована пением Романа его Алёна, страстно любившая звучание семиструнного инструмента. Она, не отрываясь, смотрела на длинные, тонкие пальцы исполнителя, проворно гуляющие по чёрному грифу гитары.

«Я играю не хуже», – мрачно, в порыве сиюминутной ревности подумал Вадим.

Подобное повышенное внимание со стороны Алёны к взрослому новичку в компании, больно царапнуло самолюбие Таршина, однако он всеми силами постарался не выказать своего недовольства, чтобы не испортить день. Поэтому поспешил натянуто улыбнуться, приближаясь к лагерю.

Неловкость ситуации скрасила сама Алёна, при приближении Вадима радостно бросившаяся обнимать возлюбленного.

– Нашли чего? – поинтересовался Вадим у ребят, прибывших чуть ранее.

Он с улыбкой поцеловал свою девушку, и едва порыв нежности с её стороны иссяк, как предельно голодный юноша, с ходу направился к полупустому, закопченному котелку.

– Да что тут найдёшь... пни да коряги, – со вздохом лениво ответил сытый Виктор, – но я не расстроен, – мягко улыбнулся он, тут же заметив довольно напряжённое лицо Вадима, выражение которого трактовал на свой лад, – отличная вылазка получается.

Произнеся последнюю фразу, Витя не удержался и впился взглядом в зардевшую Полину, молча глядевшую на пламя. Взгляд был столь красноречив, что только глупец не понял бы истинной мотивации молодого человека, любящего комфорт, взобраться на самую высокую точку района.

– Вообще отличная! – уловив взгляд товарища, рассмея-

лась Алёна, тем самым приободряя и своего неутомимого исследователя, разочарованного результатом – так что, выше нос Вадим! Впереди ночёвка в самом сакральном месте округа!

– Ещё пойдём – невнятно ответил идейный вдохновитель похода, с аппетитом поглощая вкусное варево прямо из котла.

Темнело. Жаркий день уходил прочь, прогоняемый лучами заходящего солнца. В увлечённой работе время летит быстро и Таршин, излазив все вершины вдоль и поперёк, сам того не заметил, как небесное светило уже склонилось к далёкой линии горизонта, намереваясь отправиться на ночной покой.

Дальнейший отдых быстро и окончательно стёр все социальные, культурные и идейные различия между Романом и прочими членами компании. За песнями, разговорами и вынужденным походом вниз, за водой, все возрастные барьеры в общении были окончательно преодолены, и личность Январёва приобрела в глазах ребят множество достоинств, полностью поглощая недостатки, порождённые неподтверждёнными слухами.

Закат встречали заморожено, в молчании, наблюдая, как рдяный диск солнца медленно погружается в таёжное море. Устоявшиеся пары сидели, обнявшись, дополнительно согреваясь, теплом друг друга. Следуя их примеру, к стройно-

му, бронзовому телу Полины потянулся и робкий Виктор. Лишь Михаил, абсолютно не тяготясь своим одиночеством, крепко спал в палатке, периодически ворочаясь на острых камнях, которые не мог смягчить даже толстый, меховой, спальный мешок, доставшийся ему от деда.

С медленным уходом солнца первые звезды, поначалу робко, а затем всё более уверенно, проявлялись на чернеющем небосклоне, подбадриваемые мертвенным светом луны.

В Сибири, июльские ночи так коротки! Всего несколько часов измученные глаза могут насладиться долгожданной темнотой, а тело прохладой. После чего дневное, неутомимое светило вновь заявляет о себе, скрашивая Восточный небосвод.

Шестнадцать лет... тот возраст, когда гормоны пускаются в пляс, перекрывая доводы разума. Доселе Вадим и Алёна позволяли себе максимум целоваться, скрываясь даже от взглядов случайных прохожих за близлежащими гаражами, расположенными рядом со двором, где уже долгое время жила семья Дубровиных. Но эта ночь, эта атмосфера и более жаркий и откровенный пример обжиманий Дарьи и Романа возымели ожидаемый эффект.

По учащённому дыханию будущей жены, Таршин нутром понял, что сегодня произойдёт нечто грандиозное и фундаментальное, что изменит суть их отношений в корне и выведет на совершенно новый уровень. И не ошибся.

Алёна окончательно потеряла самообладание, когда уве-

ренно и нагло Роман увлѣк Дарью подальше от костра, вначале спустившись в низину, а затем, вновь поднявшись на соседнюю вершину, на которой тьма окончательно скрыла их силуэты. Несмотря на потрескивание большого пламени, жадно пожирающего валежник, обнаруженный здесь в избытке на лесистой стороне вулкана, компания расслышала невнятные звуки возни и сладострастный полустон – полувздых покорѣнной женщины.

Виктор и Полина не испытывали видимого дискомфорта от действий раскрепощѣнной пары, так как и сами были всецело поглощены друг другом. Понимая это, Алѣна и Вадим отправились выше по склону, на центральный пик. При этом хитрая девушка, всё решившая для себя, якобы случайно прихватила с собой плотное покрывало, чтобы в компании возлюбленного расположиться у основания исписанного креста.

Огни звѣзд, сливаясь на горизонте с огнями Медведьевска, завораживали душу. В самой верхней точке района терялась сама грань неба и земли. Молодой паре казалось, что небесная сфера поглотила всё пространство вокруг, оставив только их небольшую компанию и горящий немного ниже костѣр, в каком-то необъяснимом, подвешенном состоянии между мирами. Небесные огни тихо мерцали, подчиняясь рябящим перепадам температуры в верхних слоях атмосферы, и гипнотизирующе действовали на восприятие Алѣны и Вадима. Окраина тайги более пологого склона Моргудона,

начинавшаяся у них под ногами, вносила элемент первобытности в их запланированное уединение.

– Красиво же тут было, – шепнул Вадим, достигая основания креста, – я имею в виду тогда, когда здесь жил шаман.

– А чем сейчас не нравится? Те же звёзды, та же луна, – также шёпотом ответила Алёна.

– Не знаю. Чувствуется, что магия ушла отсюда. Просто представь, что алтарь цел. Вокруг – чернота первобытной ночи. И человек, одетый в медвежью шкуру, стучит в бубен, общаясь со звёздами.

– Красиво... Но страшно. Я рада, что живу в современности, Вадим.

– В современности не хватает колдовства и таинства, Алёна.

– Ах, не хватает? – девушка улыбнулась, демонстративно расправляя покрывало на серой, ровной поверхности необработанного, серого камня, – тогда присядь рядом, я покажу тебе магию.

То, что является первобытным желанием, не всегда является синонимом дикости, невежества. Иногда первобытность означает лишь святую чистоту помыслов. Вадим не успел ничего возразить, как Алёна уверенными движениями, сама сняла платье, легко отбросив его в сторону. Секундой позже, в ту же сторону полетели и последние элементы одежды, ярким, белым пятном разбавив темноту неосвещённого камня. Девушка осталась абсолютно нагой.

У Вадима перехватило дыхание. Откровенного испугавшись и одновременно испытывая дикое чувство восторга, молодой парень перестал ощущать даже острые грани камней и колючие ростки шиповника, царапающего ноги.

– Так вот почему ты ещё раз гоняла меня за водой и заставила смыть дневную пыль? – выдал Вадим совершеннейшую глупость в данной ситуации.

Алёна ничего не ответила. Девушка грациозно присела на покрывало, поманив Таршина тонким, указательным пальцем и слегка дрожа всем телом, Вадим, обнажаясь на ходу, медленно пошёл ей навстречу.

Вадим много думал, как произойдёт их первый раз. Естественно, реальность сильно различалась с гладкими и ладными мечтами, привнеся сумбурность и неловкость в процесс первой попытки физической любви, однако это не мешало, а добавляло свой шарм. Таршин действовал аккуратно, иногда действуя по наитию, иногда вспоминая советы бывалых товарищей.

Вроде как получилось неплохо. Алёна лишь сжалась на несколько секунд, привыкая к новому чувству для себя. Решительность и забота сделали своё дело, позволив обойти большинство неприятных ощущений.

Потухший вулкан и ночь. Иссякшее место силы. Тайга и звёзды. Стоны и тихие, осторожные движения силуэтов в темноте. Яркое чувство неудобства камня, которое медлен-

но, но верно поглотила палитра новых ощущений телесного блаженства.

Закончив акт любви, ребята сидели и медленно отходили от пережитого. Глубоко внутри, каждый по-своему справлялся с ярким всплеском новых эмоций и чувств, пытаясь осмыслить свой новый статус мужчины и женщины. Неожиданно чистый небосвод пронзила молния, и раздался раскат грома такой силы, что сотряс гору до основания. Алёна, переводящая дыхание, ощутило вздрогнула от резкого звука и была тут же прижата к себе Вадимом, которому на волне адреналина и море было по колено:

– Странно, – сказала молодая женщина, – грозы вроде не намечалось.

– Ой, плевать, родная! – широко улыбался радостный Вадим, – разве нам дождь – помеха?

– Не помеха, но место то, какое...

– Не бери в голову, Алёнушка. Бред всё это. Глупые сказки для детей!

– Ну, вы закончили? – неожиданно прямо под ногами раздался голос Романа, который практически бесшумно возник ниже по склону в компании своей спутницы – мы тоже хотим здесь посидеть.

Странная папироса теплилась в зубах у Январёва, освещая косую улыбку и озорной взор неожиданно потеплевших, серых глаз. Сладковатый, незнакомый ранее запах дыма заполнил вершину горы, позволяя убедиться, что Роман курит

вовсе не обычный табак.

Всё еще обнаженная Алёна вспыхнула краской, быстро прикрывшись измаранным платьем. Частью покрывала прикрылся и пристыженный Вадим.

– А девушка у тебя ничего, красивая, – хохотнул Январёв, придерживая за талию пунцовую от стыда Дарью, – не беспокойтесь. Что естественно, то не безобразно. Одевайтесь, мы придём минут через пять.

Уходя, наглый Вадим, совершенно не обращая внимания на смущенность потревоженной пары и задетые чувства своей спутницы, до последнего нагло смотрел на фигуру Алёны, которая судорожно натягивала на себя белое белье, тщетно сиюсь прикрыться узким крестом.

– Да не тушуйтесь, ребята! – исчезая в темноте, ещё раз крикнул Роман, – нагота прекрасна, а вы так молоды! Одежда портит человека...

Смущение смешило. Едва Вадим и Дарья окончательно скрылись за каменистой грядой и Вадима и Алёну пробрал такой чистый смех восторга и здорового бесстыдства, что им стало совершенно плевать на тот факт, что посторонние люди только что увидели их обнажённые тела.

Вскоре, пары, вновь встретившись по пути в лагерь, подзадоривая друг друга шутками-прибаутками, легко поменялись местами:

– Покрывалишко своё заберите, будьте любезны, – галантно попросил Роман, уступая дорогу Вадиму и Алёне, – мы,

так сказать со своим.

— А мы и не думали оставлять, нам на нём ещё спать, — подражая аристократической манере разговора, в тон старшему товарищу ответил Таршин.

Покрывало действительно пришлось унести с собой и упрятать в рюкзак. Небольшое пятно крови на ней было чересчур ярким доказательством первой любви.

Убрав из палатки самые острые камни, кое-как выстав землю всеми доступными предметами одежды и рюкзаками, усталая и перенасыщенная впечатлениями, пара влюблённых, провалилась в крепкий и здоровый сон счастливого человека.

Глава 5. Мистический сон

Вадиму часто снились интересные и яркие сюжеты. Но сегодня, увиденное в грёзах, казалось столь реалистичным, что путалось с событиями минувшей ночи.

Прикрывающийся частью окровавленного покрывала, обнажённый Таршин стоял чуть ниже креста и рядом с ним, чуть выше по склону, возвышался в глубоком молчании и задумчиво рассматривал православный символ, странного вида мужчина, облачённый, не смотря на летнюю жару, в громоздкие медвежьи шкуры. Необычное одеяние содержало и кое-какие элементы украшений. Костюм молодого мужчины, с азиатскими чертами лица и бледной кожей, был густо увешан костяными и деревянными фигурками людей и животных. Головной убор, исполненный из шкуры настоящего волка, скрывал длинные, чёрные космы волос незнакомца, ниспадающие по спине. Большой, кожаный бубен был бережно закреплён на поясе мужчины и тихо гудел сам по себе, словно обладал собственной жизнью, которая протекала по законам совершенно не понятным простому смертному.

Взор раскосых глаз незнакомца был по-лунному бел и чист. Зрачков не было. Только тихо свечение и внимательная сосредоточенность на кресте. Руки, скрещенные на груди, вопреки представлениям современного человека о пер-

вобытном устройстве быта, были утончённы и чисты, как руки врача или дантиста в наши дни.

При этом в молодом мужчине чувствовалась сила. Даже мешковатый, громоздкий костюм не мог скрыть богатырско-го размаха плеч и рукава, закатанные до уровня локтей, подчеркивали мощные сухожилия и мышцы рук, привыкших к работе.

– Простите... – нерешительно прервал молчание Таршин, чувствуя неловкость в своём текущем образе Адама, – я, наверное, вам помешал?

Вадим не надеялся на понимание, просто вежливо обозначая своё присутствие рядом. Выглядел незнакомец столь экзотично, что молодой человек не был до конца уверен, что странный азиат поймёт его речь.

– Помешал? – мелодично хохотнул незнакомец, отвечая на чистом, русском языке и его голос нежным эхом загулял по склонам вулкана, – нет, Вадим, ты меня призвал.

– Я? – ошарашено переспросил юноша, удивляясь и абсолютному пониманию и сказочному эху, которое порождало любое слово.

– Именно ты. Место то, знаешь какое? То-то и оно! – многозначительно поднял указательный палец вверх незнакомец, – многое тут, конечно, поменялось за века. И крест непонятный поставили, однако, суть та же. А ты решил столь значимый обряд здесь затеять.

– Какой обряд? – не понял о чём идёт речь Вадим.

– Да тот самый, – ответил незнакомец и не глядя, указал на пятно крови на покрывале Таршина, – это ведь не просто «шуры-муры». Это ведь сакральный акт. Особенно если все свершилось по любви и на алтаре.

– Простите, но кто вы?

– А сам не догадался? – улыбнулся незнакомец, демонстративно прикоснувшись к бубну, – я хранитель этих мест.

– И давно вы их храните?

– Не знаю как это, по-вашему. Я спал и слышал, как говорят новые гости моей горы. Много непонятных слов. Множество лун я изучал вашу речь и в этом мне помогали разнообразные духи. Скорее всего, срок моего пребывания здесь, в вашей категории понятий, будет звучать как «века».

Хранитель неторопливо нагнулся вниз, взяв в руки белый осколок камня:

– Жаль... хороший был алтарь, – нахмурившись, проворчал мужчина, откидывая камень в сторону, – ровный, гладкий... Столько сил потратил!

Диковатого вида незнакомец изъяснялся вполне современным языком. Не было непонимания между людьми из разных эпох. То ли он действительно был развит не по нормам своего времени, то ли сон, подключая скрытые области сознания, сглаживал острые углы непонимания между ними.

Вадим понимал, что спит. Осознанные сны были ему знакомы. Поэтому, чувствуя абсолютную безопасность, Таршин принял решение задержаться в столь странном сюжете.

– Вы реальны или являетесь производным моего мышления? – спросил он Хранителя.

– Сам то, как думаешь? – вопросом на вопрос ответил азиат.

– Трудно сказать...

– А если почувствовать? Загляни к себе в душу и ответь.

Следуя совету, Таршин полностью сосредоточился на внутренних ощущениях.

Получилось далеко не сразу. Станным образом, не только слова, но и мысли, обладали своеобразным эхом, множась в голове непредсказуемыми потоками образов. Напрягая волю, Вадим всё-таки заставил функционировать мозг, в новых для него условиях. Проанализировав ситуацию, он пришёл к выводу, что сон столь высокой детализации уставшее сознание сотворить попросту не в состоянии, следовательно, всё, что происходило вокруг, было настоящим.

На измышления требовалось время. Наблюдая за ходом мыслей в голове Таршина, Хранитель внимательно и молчаливо смотрел на его потуги белыми провалами невероятно глубоких глаз.

Совершенно естественным образом Вадим поверил в реальность происходящего. Ко снам, исходя из мировоззрения эзотерика, он всегда относился предельно внимательно, выискивая в ночных образах нужные подсказки и ключи к настоящему. Сейчас, человек, пришедший к нему сквозь грёзы, был для него также реален, как и костёр, догоравший

внизу.

– Я виноват перед вами или что-то нарушил? – первым делом поспешил поинтересоваться взволнованный и правопослушный Вадим.

– Да нет... – вздохнул мужчина, – для шамана, первый секс по обоюдному согласию между мужчиной и женщиной, да ещё по любви есть дело природоугодное. Неважно где случилось это деяние! Пусть и на алтаре, который посвящён Богам. Однако ваш выплеск силы был столь силён, что вырвал меня из силков вечного, осознанного сна. Не каждый ведь день на твоих останках молодые люди предаются утехам!

– На ваших останках? То есть мы...

– Да. Прямо на камнях, сокрывших моё брненное тело много лун назад.

– Вы Тофалар? Тунгус? Эвенк? – волнуясь, Вадим выдал первое, что пришло в голову.

– Это действительно имеет значение? – шаман слегка поклонился, брякнув костяными фигурками, – звать меня Мадар. И мне очень приятно познакомиться с человеком, который союжен со мной духом, хоть ты и русс!

– Вы хотите сказать, что я...

– Да Вадим, – легко увидел ход его мысли Мадар, – в тебе есть скрытый потенциал, который мешает тебе раскрыть твою культуру. Однако знай, что только в дни сильных потрясений для твоего духа, которые несут тебе ветры грядущих времён, скрытые силы проявят себя. И тогда тебе нужно бу-

дет сделать выбор...

– Какой выбор? – после некоторой паузы ошарашено спросил Таршин.

– Остаться здесь или идти дальше, – рассмеялся шаман, обнажая белоснежные, ровные зубы, терпеливо выжидавший этот вопрос от юного собеседника в интригующем молчании, – я пошёл бы дальше, например, но не могу. А с тобой поговорим позже.

– Почему не можете?

– Место то моё, – улыбнулся Мадар, словно ему пришлось только что объяснить что-то очень и очень элементарное, несмышлёному ребенку, – да и убили меня здесь. Сами Боги велели остаться.

Мадар растворил полы шкур, обнажая мощную грудь. Несколько больших, рваных дыр разрывали кожный покров, заполненные сполохами неторопливого, белого тумана.

– Кто это вас так? – Вадиму стало жаль спокойного и вежливого Шамана, которого явно умертвили насильно.

– Казачки ваши, да стрельцы, да ведун сильный с ними. Долго взять пытались, да в бою честном не одолели. Вот пищальки и принесли, – Шаман запахнул шкуры, застегнув небольшие, костяные пуговицы-палочки, – но ты не горюй, парень! Я дорого продал свою жизнь, поэтому считаю плату соразмерной.

Мадар махнул рукой, на секунду приоткрывая образ из прошлого. В этом образе, древний шаман, облачённый в ко-

стяную броню, с дубиной наперевес, возвышался сразу над несколькими телами поверженных врагов, гордо расправив грудь навстречу тёмным стволам пищалей, направленных в его сторону. С еле слышным грохотом древнего огнестрельного оружия, образ растворился, как утренний туман под палящими лучами летнего солнца:

– За что это они? – спросил Вадим, невольно сжав кулаки.

– Я другой. Они другие. Я защищал свои интересы. Они свои. Всё честно. Один из них даже помнит меня и иногда посещает это место...

– В смысле? Его призрак приходит к вам?

– Нет. Он приходит во плоти.

– Быть того не может! Сколько лет прошло, – произвёл в уме быстрые вычисления Вадим, вновь усомнившись в реальности происходящего.

– Может русс. Каждую новую жизнь, когда в новом теле он вновь вспоминает свои прошлые воплощения, он возвращается к месту своей великой победы. Ты видел его сегодня. Древний ведун спускался с горы.

– Но это же нечестно! Их было намного больше...

– Честно – нечестно. Какое это теперь имеет значение?

Мадар потянулся, вглядываясь в полосу алого рассвета, который только намечался на восточной стороне земного шара:

– Спасибо тебе юный русс, что позволил на время вернуться в мир людей. Но мне пора спать. Помни мои слова.

И помни меня. Память — это то, что связывает целые поколения людей.

Вадим ничего не успел ответить.

Всё ещё улыбаясь Мадар, помахал рукой и быстро растворился в воздухе, оставив Вадима наедине со своими мыслями, пока обычные сны, рекой, пришедшие со всех сторон, не вовлекли его сознание в стандартное верчение образов и картин...

...Проснулся Вадим легко, в палатке, в объятиях любимой. Прекрасный рассвет и туманный океан, поглотивший тайгу, своей красотой и сосредоточенным созерцанием, быстро растворили воспоминания о необычном сне, на долгие годы, сокрыв имя Мадара и его образ в закромах памяти молодого человека.

Глава 6. Новое время

Как уже понял достопочтенный читатель, вышеуказанная история была крайне важна для развития сюжета. Но вернемся же в 1993 год, чтобы раскрыть главную легенду Медведьевска до конца.

Девять лет, прошедших с ночёвки под открытым небом, очень круто изменили судьбу некоторых персонажей.

Михаил, любящий рисковать, летом 1991 года разбился на мотоцикле, не войдя в крутой вираж на большой скорости. Виктор, всё-таки женившийся на Полине и в совершенстве изучив английский язык, стал специалистом в области нефтедобычи. Он отправился в Европу, где, по слухам, построил замечательную карьеру.

Эти истории успеха или падения не так значимы для нашего повествования. Вернёмся же к ключевым фигурам истории.

Естественно Дарья не стала женой Январёва, а вышла замуж много позже, за такого же, как и она, добродушного и простого лесника Женю, взяв фамилию Потапова и родив к этому моменту двух замечательных и крепких сыновей. Низкорослый и жилистый, хозяйственный муж Дарьи, обладая предпринимательской хваткой, ловко лавировал в потоках перемен, пришедших и в Сибирь. Он смог полулегально от-

крыть собственный бизнес, связанный с доставкой древесины крупным скупщикам, из-за чего часто пропадал в лесу, на богом забытых делянках.

Для Дарьи её нынешний супруг Евгений, в сравнении с Романом, был наилучшим вариантом, ведь семья её бывшего возлюбленного, казавшаяся незыблемым утёсом в бушующем океане потрясений и невзгод, на время полностью утратила свои позиции.

Ввязавшись в крупную авантюру, на пару лет сел за решётку отец Романа – Сергей Викторович. Это больно ударило как по репутации, так и по положению семьи в обществе. С большим трудом, матери Январёва удалось удержать своё положение в администрации муниципального образования, однако в связи с вынужденным отсутствием отца больше защищать Романа было некому, а врагов к тому времени, у молодого человека завелось немало.

Рисковому, предприимчивому Роману, как никогда, нужна была опека со стороны родителей. Понимая, что выстроить собственный бизнес в постоянно изменяющихся условиях, практически невозможно, молодой и горячий парень быстро сколотил банду отмороzków, занимающихся банальным рэкети́рством.

Сам Роман никогда не марал руки в крови, являясь мозговым центром довольно крупной группировки. Формально, он всегда оставался в тени, всячески выгораживая менее умного и решительного Петра Богохульцева, по прозвищу Поп,

как лидера группировки. Это и спасло его, когда деятельностью банды занялись компетентные органы, наведённые по указанию конкурентов.

Младший Январёв пошёл по стопам отца, сев за участие в преступной деятельности. Так как он тайно пошёл на сделку со следствием и в колонии отличался хорошим поведением, то и отсидеть пришлось совсем недолго, в сравнении со сроками заключения, которые получили бывшие соратники. Неполные три года за решёткой, полученные за столь значительные преступления, только раззадорили пыл Романа. Времени на обдумывание дальнейших шагов было достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.